

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

ДОСЬЕ
Вячеслав
ГУТ-
НИ-
КОВ –
наш
постоянный
автор.

Он юрист, а по убеждениям – коммунист. Сегодня мы публикуем подборку его стихов.

Бамада о душе

Легче на гитаре
от души тренькать.
Думать о том, что время
прошло.
Кто-то ворует время и деньги
и приобретает барахло.
Жизнь не бывает
бесконечно длинной...
Каждому, как в притче,
дорога своя.
Миновало время поры соловьиной,
значит, опять лови соловья.
Мы с тобой –
поэты своего дела.
Кто стихи ценит, а кто – уют.
Если душа высоко взлетела,
часть души останется тут!

Театр абсурда

Кукловоды
кукол водят,
дернув их за нить,
все идет по старой моде –
быть или не быть.
Вижу я:
театр абсурда
ставит пьесу здесь...
Может, мы живем не мудро –
самоеды есть?

У зевак
желтеют лица,
что, кажись, вот-вот
пожелают тихо скрыться,
взявшись за живот.

Я хочу
другую пьесу,
не спеша к врачу,
а не то в очко залезу –
кукол замочу! ***

Жить
в России ужасно.
Всем царям вопреки
проживаем прекрасно,
сочиняя стихи.

Долго
в бане не парься
и мозги мне не парь...
Есть ли жизнь на Марсе,
марсианская тварь?

Жизнь –
загадка такая,
что куда пойдем –
день за днем утекают
в мировой водоем.

Эти
звездные ритмы
в этом вечном огне
открываются в рифму
неожиданно мне! ***

Люби меня,
пока я живой,
цени меня таким, какой есть,
с моей мятежной головой,
хранящей ум, отвагу и честь.

Мой бог
во мне – как веселый бес,
и можно лик мой заметить
в толпе...

Встречай меня – на небо полз
в любви одной признаться тебе.

Страна моя –
в страде боевой,
но лирик я – родился я здесь.
Люби меня, пока я живой,
цени меня таким,
какой есть!

За нелепым, аляповатым и излишне веселым обликом
скрывалась вполне обыкновенная и добрая душа

СЕРЬГА

КОЛАЖ МАРИНЫ НИКОЛЕВОЙ

КОЛЛЕКТИВ принял его неважно. Да что там говорить – неважно!.. Плохо его принял коллектив.

Не вписался этот работяга в систему абсолютно. А виной всему серьга. Дурацкая железка, что торчала в его ухе. Она совсем не гармонировала с рабочей обстановкой. Спецовка, каска, жетон подкранового, рукавицы... И вдруг это украшение! Тут же не концертный зал и не дискотека какая! Каждая вещь должна иметь свое место и предназначенье. А то несерьезно как-то получается: пижонская цапка – и в прокатном цеху! Да еще его постоянные разговоры о музыке, о пластинках... Про девчонок и вечеринки он тоже потреться не забывал. В общем, ветер в голове.

Звали парня Серега. И этакая накипь бестолковости плотно прилипла к нему и никак не желала отделяться от молодого, еще не окрепшего в жизненных лабиринтах организма. Пацан! Что с него взять... Он и в армии-то еще не был! И как вы прикажете относиться к этому балаболке? А тут ведь производство... Металл... Высокоточные технологии, мощные станки... И напротив всего этого – дискотечное недоразумение! Вот мужики и начали над Сергеем потихоньку подтрунивать. Не сильно, но некоторая снисходительность и высокомерие чувствовались постоянно: «Серьга, принеси... Молодой еще спорить... Поработай с наше – потом рассуждай...» Так его и прозвали Серьгой.

Согласно «выслуге лет» самая грязная работа была, конечно, на нем. Правда, не часто... Но если метле и лопате требовалось приложение, сразу вспоминали о Сергее: «Серьга, подмети... Серьга, подбери...» Тот иногда сопротивлялся, роптал... Но надо отдать должное, все же подчинялся неписаным производственным законам – чем моложе, тем меньше прав. Как специалист он, конечно, был неплох, и на посторонние, неквалифицированные работы отвлекали его редко. Да бог с ними, с этими разными заданиями! Хуже, когда в отношениях со своими коллегами он ощущал некую насмешку, пренебрежение что ли...

Но несмотря ни на что, Серьга не замкнулся. А его дурацкая серьжка по-прежнему, назло всем бедам, весело болталась в его ухе. Так он и порхал в своем маленьком мире – легком и веселом, который сам себе

выдумал, чтобы легче было жить. Сергей обернулся им, как разноцветным фантиком, а черные и грязные пятна старался внутри не пропускать. Но однажды жизнь все перевернула. Случилась беда, перед которой не устояла бы ни одна защитная оболочка.

Произошло это, когда молодой человек выполнял очередное задание бригадира. Вроде ничего особенного – обычная работа с грузом: отцепляй, прицепляй, «вира», «майна» и еще что-то в этом роде... Надо было установить на транспортную телегу бак с керосином, довольно-таки объемную штуку. Но тут произошло следующее – бак не установился! А хлопнулся с транспорта вниз. Время было предобеденное, и машинистка крана, видимо, торопилась. А как же – подружка уже ждала внизу. Движения крана были чуть резче, чуть грубее. И это «чуть» сыграло свою роль. Железная машина съехала наполовину с трансферкары и потом перевернулась. Грохот был невероятный. Сергей еле успел отскочить. Самое страшное – керосин разлился.

Удар был сильным. Таким сильным, что люк открылся. Бак, как губу, обиженно откинул свою крышку, и оттуда полилась опасная жидкость. Но на этом несчастье не закончилось. С перепуга крановщица стала дергать контроллеры, пытаясь хоть что-то исправить, но это дало лишь ненужную искру, которая, конечно, достигла своей цели – пары керосина вспыхнули. Скорее это был небольшой взрыв, а потом уже пожар.

Серьга почувствовал, как у него опалило брови. И это на расстоянии десяти метров! Как будто в лесу костер разжигал... Но это были не костер и не лес. Перед ним стояла стена пламени, за которой, кстати, находилось сейчас довольно огнеопасное помещение, где было полно открытых резервуаров с различными маслами и тем же керосином. По технологии ревизия оборудования прокатных валков требовала использования большого количества горюче-смазочных материалов. И вот теперь в это помещение мог ворваться огонь!

Сергей не слышал криков рабочих и ругань рядом стоящего мастера. Он даже не подумал об огнетушителе – куда эта пукалка против такого огня! Зато он вспомнил про ворота. Стоит их закрыть – и стихия будет отрезана от взрывоопасных емкостей. Но

перед воротами пламя! Хотя уже и не такое высокое...

«Если быстро... Секунд за 10–15 можно успеть!» – подумал Сергей, глядя на уже опадающее пламя, и рванул вперед. Ворота были большими, тяжелыми – метров пять высотой и два шириной. И это только одна створка! В итоге же все получилось не так, как он задумывал. Едва Серьга закрыл эти треклятые ворота, как бак, один угол которого еще висел на тележке, опрокинулся окончательно – и уже кверху дном! Пламя вспыхнуло с новой силой. По сути, это был еще один взрыв. Пока Серьга закрывал ворота, он не чувствовал жара – в горячке непонятно. Но последней вспышки было достаточно. И когда он вылетел из этого пекла, сразу взвыл от боли. Гуммированные рукавицы сварились на руках напрочь! Спецовки, почитай, на нем не было. Все превратилось в одну смешанную с кожей дымящуюся корку. И теперь этот обожженный, черный уголек носился по участку и выл от боли. Вскоре Сергей упал и затих. Парня невозможно было узнать. Но начальник участка, срочно прибывший на место происшествия, узнал. Сначала он, было, собрался спросить – кто, но увидев серьгу, все понял. Глаза у парня уже были открыты. Заметив начальника, тот вдруг начал почему-то оправдываться. Это был уже, наверное, бред.

– Я не знал... Я не знал, что так выйдет, – хрипел он. – Сроду бы не полез. Сроду...

На самом деле он все сделал правильно. Если бы Сережа не побежал к воротам и не закрыл их, неизвестно – чем бы все это закончилось. Достаточно было пламени попасть на участок ревизии «подушек», жертв было бы гораздо больше. И все было бы нормально, если бы только не второй взрыв.

...В больнице Сергей умер. Восемьдесят процентов потери кожи – не шутка. Родителей у него не было. Осталась младшая сестренка, которая была у него на иждивении. Серьгу и в армию-то поэтому не брали. Многие его сотрудники, которые работали раньше рядом, только сейчас об этом узнали. И когда Серьгу хоронили, почти все почему-то боялись смотреть друг другу в глаза. Наверное, людям было сейчас немного стыдно: оказывается, за нелепым, аляповатым и излишне веселым обликом скрывалась вполне обыкновенная и добрая душа.

АНДРЕЙ КУДИНОВ.